

Председатель Банка России Эльвира Набиуллина выступила на XXVII Международном финансовом конгрессе

Добрый день, уважаемые коллеги!

Я рада вас приветствовать на Международном финансовом конгрессе. В этом году тема конгресса – «Финансовая система: устойчивость для роста». Тема выбрана неслучайно.

Уже более 10 лет прошло с начала глобального финансового кризиса. 10 лет прошло, а мы до сих пор не можем утверждать, что мировая экономика действительно перешла к устойчивым темпам роста и в состоянии расти самостоятельно, без опоры на стимулирующие меры.

Это, конечно, повод для анализа причин, которые привели к такой затяжной истории. А было ли лечение эффективным, делать выводы пока преждевременно. Думаю, что время расставит все по своим местам.

На мой взгляд, совершенно справедливо, что ответственность за финансовый кризис, имевший такие продолжительные и глубокие последствия для экономики и благосостояния людей во многих странах, в значительной степени возлагается на неадекватное регулирование в финансовой сфере. Регулирование (вернее, его недостаток) позволило накопить риски в финансовых институтах – риски, которые потом транслировались в реальную экономику и в силу глобализации затронули практически все страны. И быстрее всего, и сильнее всего – страны, у которых были накоплены собственные внутренние слабости.

Все это говорит о том, что адекватность регулирования и устойчивость (если хотите, сопротивляемость) регуляторов к призывам ослабить регулирование, дать возможность финансовым институтам способствовать экономическому росту – все это критически важно, чтобы не допустить незаметного, но часто угрожающего накопления рисков.

Неудивительно, что ответом на кризис стала масштабнейшая реформа финансового регулирования (ее необходимость на момент начала была признана практически всеми). Ужесточение финансового регулирования серьезно изменило и продолжает

менять облик финансового сектора. Это был реальный ответ на кризис, который меняет правила игры и снижает риски повторения кризиса.

Что касается мягкой монетарной политики, о которой буквально все знают, то ее основной целью было удержать экономику и финансовые рынки на плаву и не допустить скатывания в депрессию.

Иными словами, мягкая монетарная политика – это политика адаптации, а реформа финансового регулирования – это политика изменений. Очевидно, что одной реформы финансового регулирования недостаточно.

Мягкая монетарная политика была призвана выиграть время для проведения необходимых структурных реформ, для исправления внутренних дисбалансов. Для каждой страны – своих.

Время было выиграно, но проведены ли эти реформы? Видимо, ответ надо искать в низкой производительности труда, низких инвестициях, чрезмерном накоплении долгов во многих странах, которые угрожают финансовой стабильности. Разговоры о скором новом кризисе возникают все чаще то здесь, то там.

Накопленные дисбалансы слишком велики, а денежно-кредитная политика отнюдь не всесильна. Поэтому за острой фазой кризиса последовал длительный период низких темпов роста. И только в прошлом году глобальная экономика, кажется, начала выбираться из этого состояния. Темпы экономического роста в мире приблизились к 4% в год, безработица во многих развитых странах достигла минимумов за последние 40–50 лет. Но не надо забывать, что этот рост пока происходил при сохранении стимулирующей направленности монетарной политики. Так, Европейский центральный банк до сих пор продолжает скупать активы.

И конечно, сейчас самое время обсудить те уроки, которые мы можем вынести из посткризисного десятилетия. Даже если индикаторы производительности, инвестиций не позволяют нам говорить, что кризис сыграл свою очистительную роль, экономика вышла из кризиса более сильной, чем была, но может быть, мы все-таки достигли достаточной устойчивости глобальной финансовой системы? Какие последствия кризиса по-прежнему преследуют нас и с какими новыми проблемами мы уже начали сталкиваться?

Наверное, эти вопросы в той или иной форме задают себе регуляторы и в развитых, и в развивающихся странах. Для России, где финансовый рынок по мировым меркам очень молод, имеет множество особенностей и специфические проблемы, эти вопросы тоже весьма остры.

И тем не менее, как регулятор, мы можем с уверенностью сказать, что финансовая система устойчивее, чем была 10 лет назад, и более того – устойчивее, чем была 4 года назад, в 2014 году. И вопрос, который мы должны перед собой поставить: что нужно сделать, чтобы возросшая устойчивость финансовой системы стала фактором роста экономики?

На развитие финансового сектора и на то, как он будет способствовать экономическому росту, который так нужен нашей стране, будут влиять три основных фактора.

Первое – то, что будет происходить в глобальной экономике.

Второе – сохранение макроэкономической стабильности в России: низкая инфляция, низкий долг и сбалансированный бюджет.

И третье – это, конечно, темпы структурных реформ и зависящие от них темпы экономического роста.

Чуть подробнее об этих факторах.

В прошлом году мы наблюдали довольно благополучную картину развития мировой экономики.

Но неизбежность нормализации денежно-кредитной политики в развитых экономиках ведет к тому, что потоки капитала, которые в период дешевой ликвидности практически были отвязаны от фундаментальных факторов, будут стремиться в тихие гавани исторически безрисковых активов и больше внимания будут обращать на фундаментальные слабости или сильные стороны тех или иных экономик.

Рост процентных ставок, прежде всего на рынке долларовых заимствований, разворот потоков капитала уже создают напряженность в ряде развивающихся экономик, уязвимых по макроэкономическим параметрам. И в целом волатильность глобальных финансовых рынков повышается.

Ситуация, безусловно, усложняется разного рода политическими рисками. Рост популизма в отдельных странах, рост протекционизма с риском полноценных торговых войн, активизация использования отдельными странами в одностороннем порядке финансовых санкций – все это создает риски для стабильности на финансовых рынках, повышает и так уже возросшую рыночную волатильность.

Опыт показывает, что единственное, что может противопоставить в подобной ситуации страна с развивающимся рынком, чтобы сохранить возможности для устойчивого экономического роста, – это макроэкономическая стабильность, отсутствие дисбалансов и чрезмерной долговой нагрузки, здоровая финансовая система, которая имеет хорошую подушку безопасности в виде капитала и ликвидности.

В последние годы Банк России и Правительство уделяли этим вопросам особое внимание. И возросшие внешние риски – это сигнал к тому, чтобы и далее не пренебрегать макростабильностью, а напротив, укреплять ее.

В прошлом году мы, как и обещали в 2014 году, когда переходили к инфляционному таргетированию, впервые достигли цели по инфляции. Теперь важно закрепить этот результат, сделать низкую инфляцию нормой нашей жизни. Поэтому цель денежно-кредитной политики Банка России на ближайшее будущее – поддерживать инфляцию вблизи 4%.

Вы знаете, что сейчас обсуждаются инфляционные последствия новых мер политики Правительства. Я уже высказывалась на эту тему на недавнем Международном экономическом форуме. Поэтому хочу лишь еще раз подчеркнуть, что наша денежно-кредитная политика настроена таким образом, что мы в любом случае справимся с инфляционными последствиями этих мер.

В отдельных случаях возможно кратковременное ускорение инфляции, может быть, даже несколько выше 4%. И мы понимаем, что не всегда разумно пытаться этого избежать, чтобы не наносить вред экономическому росту. Но если эти отклонения и будут, они не будут носить масштабного характера и будут краткосрочными. Инфляция будет возвращаться назад к 4%.

Стабилизация инфляции будет сопровождаться снижением волатильности процентных ставок по мере снижения и закоривания инфляционных ожиданий. В этом вопросе, особенно в части закоривания, нам еще многое предстоит сделать. Мы видим по данным последнего месяца, что всплески цен по отдельным товарам (по бензину прежде всего), волатильность курса продолжают серьезно отражаться на инфляционных ожиданиях. Они у нас до сих пор не закорены.

Со стороны Правительства серьезным вкладом в макростабильность является бюджетное правило. Мы считаем, оно защищает бюджетные расходы от колебаний цен на нефть и дает возможности бюджету финансировать приоритетные направления на стабильной основе. Обеспечивает стабильность и других макроэкономических параметров, включая реальный валютный курс.

Таким образом, с точки зрения макроэкономического фона мы не видим заметных рисков для финансовой системы в будущем.

Теперь – о темпах экономического роста. Очевидно, что развитие финансового сектора и развитие экономики взаимосвязаны. Уверенный экономический рост укрепляет финансовую систему. И наоборот.

При выработке денежно-кредитной политики мы постоянно проводим оценки потенциального экономического роста. И мы видим, что те 1,5–2% роста, которые есть сейчас, при безработице, снизившейся уже до исторического минимума, – это приблизительно те темпы роста, которые может обеспечить наша экономика в среднесрочной перспективе без изменения своей структуры. Мы видим пока, что продолжает реализовываться инерционный сценарий и не удалось переломить сложившиеся тенденции.

Тем не менее мы ожидаем и рассчитываем на то, что конкретные меры, которые предложит Правительство для выполнения Послания Президента, для ускорения темпов экономического роста, помимо увеличения бюджетных расходов по приоритетным направлениям, – эти меры раскроют возможности для частных инвестиций и частного предпринимательства и позволят поднять в конечном счете потенциал экономического роста. Конечно, влияние этих мер будет проявляться постепенно, и это должны учитывать наши финансовые организации.

Какое в целом влияние эта комбинация внешних и внутренних факторов окажет на финансовый сектор?

Первое. Пока низкие темпы экономического роста и неясность конкретных точек роста – это, конечно, вызов для финансовой системы. Сейчас финансовая система ответила на него бурным ростом потребительского кредитования, а также ипотечного кредитования – это единственный кредитный рынок, по уровню развития которого Россия существенно отстает от стран со сравнимой экономикой. Но безрисково этот процесс долго продолжаться не может, долговая нагрузка населения начинает расти. Мы будем внимательно следить и при необходимости принимать меры, чтобы не допустить здесь формирования пузырей.

При этом процесс очищения балансов компаний от плохих долгов происходит, это будет постепенно создавать условия для развития кредитования производственных компаний. И конечно, здесь очень важно, чтобы финансовые институты были к этому готовы, чтобы они могли воспользоваться новыми возможностями. И для этого нужно развивать компетенции в банках по умению оценивать перспективы компаний, новых, малых компаний, оценивать новые проекты, развивать инструменты проектного и инвестиционного финансирования.

Мы считаем, что финансовый сектор должен стать партнером для бизнеса в вопросах поиска новых точек роста. Новые финансовые технологии, в том числе технологии по работе с большими данными, могут стать важным инструментом развития таких компетенций и квалификаций. При этом мы видим, что меры господдержки рассчитаны в первую очередь на те финансовые институты, которые уже имеют такие компетенции и квалификации.

Второе. Нейтрализация денежно-кредитной политики, которая буквально не за горами, означает замедление, а в конечном счете и остановку процесса снижения ставок. Возможны и ситуации, когда ставки могут повышаться, если будут возникать проинфляционные риски. Последние несколько лет финансовые институты жили в условиях снижающихся процентных ставок. Важно, чтобы изменение тенденции не застало сектор врасплох, не привело к чрезмерным процентным рискам. И уже сейчас

нужно задуматься о том, как будет устроено ценообразование на финансовые инструменты в условиях, когда движение ставок перестает быть однонаправленным. Далее. Высокие внешние риски означают, что период низкой волатильности остался в прошлом. И нас ждет более волатильная ситуация на мировых рынках. Этими рисками тоже надо управлять. Не пытаться переложить их на конечного заемщика, как это иногда происходит, или инвестора. Опыт показывает, что в конечном итоге это заканчивается реализацией кредитных рисков для самой финансовой организации. И безусловно, сейчас важность приобретает умение конструировать инструменты с учетом таких рисков, учиться хеджировать риски.

Наконец, и макроэкономическая ситуация, и бурный прогресс в развитии новых технологий потребуют от финансового сектора лучше управлять издержками, совершенствовать свои процедуры и процессы.

Изменение бизнес-моделей финансовых организаций, а мы считаем, что оно будет происходить под воздействием этих факторов, – все это должно способствовать и ускорению экономического роста, а также сделает финансовые организации более устойчивыми на среднесрочной перспективе. Для ускорения этого перехода мы будем шире использовать стимулирующее регулирование.

Стимулирующее регулирование часто противопоставляют нейтральному, говоря о том, что использовать меры регулирования для того, чтобы влиять на бизнес-модели финансовых институтов, может быть небезопасно для финансовой системы.

Но посмотрим, например, на банковскую систему. Когда мы видим ситуацию, при которой банки, в том числе и крупные, используются для финансирования практически только бизнеса своих собственников, для финансирования в основном сделок слияния и поглощения, а не эффективных проектов в экономике, мы должны понимать, что это угрожает и экономике, и стабильности самого финансового рынка. И поэтому регулирование, которое будет стимулировать нормальную классическую банковскую деятельность, конечно, пойдет только на пользу. Это актуально именно сейчас, когда банковская система восстановилась, кредитование во всех сегментах уверенно растет, и этот тренд будет сохраняться.

Кредитование должно развиваться таким образом, чтобы способствовать устойчивому экономическому росту и предотвращать потери общества от финансирования неэффективных проектов. Это означает, что мы будем проводить такую регуляторную политику, которая будет поддерживать качественный рост рынка и дестимулировать практики, ведущие к накоплению этих рисков.

О каких практиках прежде всего идет речь? Первое. Мы уже приняли и будем принимать дополнительные меры по девальютизации балансов банков. Необходимо дальнейшее снижение валютного риска в целом по системе.

Второе. Преобладание залогового кредитования, на наш взгляд, создает риски того, что на балансах банков скопится слишком большой объем непрофильных или проблемных активов. Фонд непрофильных активов, который мы сейчас создаем, объемом около 2 трлн рублей, – это прямое следствие такой проблемы. Когда банковское кредитование становится ломбардным, банкам, по сути, все равно, кого кредитовать. Банки не анализируют хозяйственную деятельность заемщика – был бы залог. В итоге доступ к кредиту получают не самые конкурентоспособные проекты. И поэтому залоговая реформа, которую мы сейчас обсуждаем, имеет целью снижение доли ломбардного кредитования и естественным образом будет стимулировать кредитование качественных проектов. А это наш очевидный приоритет.

Третье – это борьба с кредитованием бизнеса собственников банков. Эту борьбу мы ведем уже длительное время и будем продолжать. Время карманных банков, которые не способны внести никакого вклада в экономический рост, проходит.

Четвертое. Рискованная ситуация, когда кредиты выдаются не операционным предприятиям, а холдингам. Или когда кредитная нагрузка по смене собственности вешается на само предприятие, которое должно потом свою же продажу «отработать». Такие займы не помогают, а наоборот, ухудшают положение предприятий, увеличивают долговую нагрузку, а сам заем не идет на развитие бизнеса. Кстати, именно поэтому практически все активы, которые мы получили в Фонде непрофильных активов, избыточно закредитованы: они не раз меняли собственника и

каждая смена собственности сопровождалась увеличением долговой нагрузки. Этот порочный для экономики круг мы тоже должны разорвать.

Пятое. С развитием финансового рынка усиливается взаимосвязь финансовых организаций разных его сегментов – как регулируемых, так и нерегулируемых: банков, страховых компаний, пенсионных фондов, профучастников рынка ценных бумаг, лизинговых компаний. Они образуют группы, иногда с формализованными отношениями собственности, но зачастую просто за счет устойчивых неформальных бизнес-связей. Недобросовестные игроки используют регуляторный арбитраж как между секторами, так и между финансовыми организациями одного сегмента. Перекрестные вложения, скрытая финансовая поддержка организаций одного сектора другим, перенос рисков, сделки в целях сокрытия от регулятора реальных источников финансирования либо реальных объектов инвестиций, использование доверия к банку для массовых продаж рискованных небанковских продуктов – такую практику мы также намерены искоренять.

Путей несколько. Это и гармонизация банковского и небанковского регулирования в целях устранения регуляторного арбитража, и ускоренная интеграция надзора за банковским и небанковским секторами, развитие содержательных подходов и практики мотивированного суждения регулятора.

С учетом уроков финансового оздоровления, особенно прошлогодних, мы намерены пересмотреть концепцию надзора за банковскими и финансовыми холдингами. Например, если бы надзор и временная администрация имели полномочия в отношении всего холдинга Открытие, а не только банка, то было бы гораздо проще найти и вернуть выведенные через холдинг, именно через холдинг, средства.

Шестое. Справедливая стоимость, биржевое формирование цены, предотвращение манипуляций рынком. Отдельный блок вопросов, которые сейчас приобретают все большую и большую актуальность, связан с корректностью формирования биржевых цен на торгуемые ценные бумаги. Мы видим примеры и манипуляции ценой, и возгонки стоимости акций, и некорректный маркет-мейкинг, сделки по договоренности через биржу... И все это означает, что происходят злоупотребления рыночными механизмами. И конечно, здесь нужно предпринимать отдельные меры,

потому что формально сделки выглядят рыночными, цена выглядит рыночной, но таковой на практике не является.

И еще одной проблемой является высокая концентрация кредитного риска на одного заемщика или группу связанных лиц. У нас действует соответствующий норматив, всем известный Н6, которому банки тоже иногда искусно сопротивляются.

Многие банки искренне до сих пор считают, что лучше быть основным либо единственным кредитором того или иного предприятия. А на самом деле, конечно, высокая концентрация риска на одного заемщика в совокупности с его высокой долговой нагрузкой угрожает устойчивости самих банков. И в такой ситуации уже банк становится заложником клиента. Он вынужден соглашаться на многочисленные реструктуризации, отказываться от возможности взыскания залогов или использования поручительств. Поэтому в текущем году мы будем обсуждать с банками пересмотр подходов к риску концентрации с точки зрения определения связанных сторон и расчета норматива Н6. Развитие синдицированного кредитования, а законодательная база для этого уже создана, продолжение консолидации банковского сектора являются, на наш взгляд, правильными способами снижения этого серьезного риска и повышения устойчивости банков.

И последнее на тему развития регулирования. Мы прекрасно понимаем, что усиление регулирования и на международном уровне, и то усиление регулирования с национальными особенностями, которое происходит, – это, конечно, издержки для банков. Но для снижения рисков устойчивости финансовой системы, для избавления от накопленных проблем мы вынуждены это делать. И мы, конечно, хотели бы перестать заниматься «мелочным», «точечным» регулированием, постоянно закрывая то одну, то другую лазейку в нормативной базе для недобросовестных банкиров. Потому что издержки от того, что мы закрываем лазейки таким образом, несут добросовестные участники рынка. Но это, на наш взгляд, не будет возможным, пока ответственность за нарушения на финансовом рынке остается низкой, пока недобросовестные банкиры знают, что в случае чего можно скрыться за границей, и, как я уже говорила, сохраняют свои небанковские активы. Например, за четырехлетний период действия уголовной статьи за фальсификацию отчетности пока

привлечено к ответственности всего 4 человека. Возбуждено 30 уголовных дел. Поэтому мы инициировали поправки, которые позволят сделать эту статью более действенной.

И второе – право профессионального суждения для регулятора, для Банка России, для принятия надзорных решений. Мы этот вопрос поднимаем не первый год и понимаем, что без права профессионального суждения мы все время будем находиться в догоняющем режиме: мы должны формально доказывать любое нарушение, естественно, и все время будем в догоняющем режиме. Недобросовестные игроки придумывают новую уловку, мы «затыкаем» эту лазейку, увеличиваем издержки регулирования для добросовестных участников, все это повторяется снова и снова. Надзор, конечно, будет быстрее и ущерб для клиентов и общества в целом будет меньше, если у нас будет право мотивированного суждения.

Повышение ответственности собственников и менеджеров, право профессионального суждения, на наш взгляд, приведут к снижению издержек, связанных с регулированием и надзором, и к созданию условий для реального, консультативного надзора и формирования партнерских отношений между регулятором и добросовестными банками.

От регулирования я хотела бы перейти буквально коротко к еще одной важнейшей теме – это конкуренция в банковском секторе. Она будет в фокусе внимания Банка России. Но хотела бы отметить, что мы убеждены, что качество конкуренции не зависит напрямую от количества банков. Да, большое количество банков было лишено лицензии, но все они значительно искажали конкурентное поле, занимаясь незаконными операциями, кредитуя в основном своих же собственников, привлекая средства вкладчиков и кредиторов по завышенным ставкам.

Эта работа еще не до конца завершена, но уже можно сказать, что большинство действующих сегодня банков работают честно и соблюдают установленные правила. Игра по правилам – это основа справедливой конкуренции.

Важно, чтобы рыночная конкуренция работала внутри разных категорий банков и финансовых организаций. Поэтому банки и финансовые институты должны, конечно,

найти свои ниши. Малому банку без какой-либо поддержки трудно выдержать конкуренцию с крупнейшими игроками.

И именно для развития конкуренции Банк России разработал концепцию пропорционального регулирования. Напомню, что 18-й год – год перехода на базовую лицензию для банков с капиталом менее 1 млрд рублей. Таких банков у нас на сегодняшний день 192 (примерно 150 из них заявили о намерении перейти на базовую лицензию). Но хочу отметить, все их объединенные активы – всего лишь около 1% активов банковской системы, это действительно небольшие банки.

Мы будем поддерживать институт небольших региональных банков, так как именно такие кредитные организации наиболее качественно могут обслуживать такой важный для экономики сегмент, как индивидуальные предприниматели и малый бизнес. Значительное упрощение регулирования и отчетности для банков с базовой лицензией делается именно для того, чтобы они смогли сфокусироваться на этом сегменте бизнеса.

Далее. Наши действия в сфере финансового оздоровления. Они также нацелены на улучшение конкурентного поля в банковском секторе. Присутствие до недавнего времени среди системно значимых банков организаций с хроническим недостатком капитала (практически с утратой капитала) и ликвидности не только нарушало справедливую конкуренцию, но и значительно ослабляло банковскую систему.

С лета прошлого года Банк России применил к крупным банкам новый механизм санации, входя на очень короткий срок в оперативное управление и временно становясь (подчеркну, временно) их контролирующим акционером. Сегодня можно с уверенностью сказать, что новый механизм санации позволяет в кратчайшие сроки (6 месяцев, а не 10–15 лет, как было раньше) оздоровить даже крупный, системно значимый для всей экономики или для региона банк либо финансовую группу – и делать это без риска дестабилизации финансовой системы.

В настоящее время все три крупнейших банка, которые мы взяли на оздоровление с помощью Фонда консолидации, уже полностью докапитализированы и продолжают обслуживать своих клиентов.

Кроме обеспечения непрерывности деятельности, докапитализации, реструктуризации непрофильных и проблемных активов, разработаны стратегии развития этих банковских групп с учетом их возможностей, роли для экономики.

Таким образом, большую часть этой непростой работы по оздоровлению крупнейших игроков нашей банковской системы уже тоже можно считать завершенной.

Банк России нацелен на максимальный возврат средств, которые были выделены на финансовое оздоровление. И не только за счет продажи банка и работы с проблемными и непрофильными активами, об этом мы многократно говорили. Но в том числе за счет принуждения бывших собственников к покрытию убытков и возврату выведенных активов.

В настоящее время единственный предусмотренный правом механизм взыскания ущерба государством при финансовом оздоровлении банков – это механизм судебного взыскания.

Мы предлагали и предлагаем механизм субсидиарной ответственности. Пока не встретили в этом вопросе понимания, но будем убеждать коллег и далее.

Действуя в рамках существующего правового поля, Банк России будет продолжать претензионно-исковую работу с бывшими собственниками. Наряду с появившейся возможностью взыскания убытков при санации (именно на днях вступают в силу законодательные изменения о порядке расчета таких убытков), мы предлагаем обсудить два дополнительных механизма:

– первое – это механизм по блокировке активов на сумму исков Банка России на время судебных споров, судебных тяжб (для того чтобы активы не были выведены или ликвидированы во время долгих судебных разбирательств);

– и второе – все же реализовать инициативу по блокировке выезда за рубеж собственников и топ-менеджмента saniруемых банков (до окончания судебных разбирательств). К сожалению, бегство финансистов за рубеж и воссоединение их там с выведенными заранее активами продолжаются.

Но завершить банковскую часть своего выступления, конечно, я хотела бы на более мажорной ноте. Хотя приходится говорить и о тех неприятных вещах, которые есть и с которыми мы будем работать, и я считаю честным говорить банковскому сектору,

что конкретно мы будем делать. Но, к счастью, основания для мажорных нот тоже есть. Потому что, как я уже сказала, банковский сектор стабилен, развивается, хорошая прибыль, капитал, ликвидность, все возможности для развития кредитования, которое растёт. И мы действительно считаем, что в результате работы по очищению банковской системы основное количество недобросовестных банков уже выведено с рынка. И поэтому у нас сейчас есть возможность, с одной стороны, ожидать, что страховых случаев для системы страхования будет меньше, а с другой стороны – можно расширить возможности системы страхования вкладов, поскольку уже практически мы выходим из ситуации, о которой нам говорили многие банки, когда хорошие банки вынуждены платить за недобросовестные.

Мы считаем возможным расширение системы страхования вкладов, чтобы поддержать доверие и граждан, и бизнеса к банкам. Мы считаем необходимым ускорить принятие законопроекта по распространению страхования на малый бизнес, он сейчас находится в Государственной Думе.

И в том, что касается физических лиц, мы считаем целесообразным увеличить сумму возмещения в тех ситуациях, когда вкладчик объективно не имел возможности управлять рисками. Более того, в социально чувствительных ситуациях, и мы видим это по практике, когда получено наследство, продается-покупается квартира, получены страховые выплаты и социальные пособия, – суммы на счете скапливаются больше застрахованных миллиона четырехсот. И здесь, конечно, есть все основания в этих случаях прописать конкретные случаи, страховую сумму увеличить. Эти совместные предложения у нас отработаны с Агентством по страхованию вкладов.

Также Агентство по страхованию вкладов по итогам активного общественного обсуждения практики оспаривания сделок при банкротстве кредитных организаций, а такая практика оспаривания стала чувствительной для вкладчиков, предложило изменения в законодательство, направленные на дополнительную защиту добросовестных вкладчиков банков.

А именно: повысить порог суммы, в пределах которой не будут оспариваться операции по выплате гражданам вкладов в случае банкротства, до 10 миллионов рублей.

Мы эти предложения поддерживаем.

И очень коротко перейду к другим секторам финансового рынка, у нас обычно действительно разговор о банковском секторе занимает больше времени. По небанковскому сектору. Я знаю, что уже вчера были продуктивные обсуждения, и на полях конгресса будут детально обсуждаться все эти темы. И я хотела бы сказать только о нескольких общих вещах. Как мы видим развитие некредитных финансовых организаций?

В этом году завершается первый этап реализации единой стратегии развития финансового рынка. И завтра на пленарной сессии мы с вами обсудим Основные направления развития финансовых рынков уже на следующий трехлетний период.

Но тем не менее можно подвести некоторые итоги.

В прошедший период мы сфокусировали, это было естественно, нашу работу на очищении рынка. Была большая программа «Чистый реестр», в рамках которой мы выводили с рынка не ведущих реальной деятельности, неустойчивых или занимающихся незаконными операциями игроков. Усиливали регулирование там, где оно очевидно не соответствовало уровню риска. В системе негосударственных пенсионных фондов было введено гарантирование пенсионных накоплений. В страховании на основе риск-ориентированного подхода заметно были усилены регулирование и надзор и принимались меры – специальные меры по стабилизации ситуации в ОСАГО. В сфере микрофинансирования было введено пропорциональное регулирование, выделены микрокредитные и микрофинансовые компании.

Мы вели и будем продолжать работу по развитию облигационного рынка. И мы видим, кстати, как он достаточно динамично развивается.

В целом мы вполне уверены в долгосрочной устойчивости финансового рынка, его разных сегментов, как и в том, что наше регулирование и надзор смогут снижать риски возможного разрастания проблем, если они будут появляться в отдельных финансовых организациях или секторах рынка.

И сейчас, когда ситуация на финансовом рынке довольно стабильная, а ставки снижаются, это значит, потребители в поисках более высокой доходности начинают больше и больше интересоваться альтернативными депозитам инструментами, и мы видим этот интерес. И поэтому в центре политики по развитию финансового рынка,

конечно, должен быть потребитель, его интересы, права, защита от чрезмерного риска. Клиентоориентированность и доверие должны стать, если хотите, идеологической базой развития финансового рынка.

В Основные направления развития финансового рынка на следующую трехлетку мы закладываем следующие ориентиры.

Первое. Это развитие конкуренции и финансовая доступность. На базе современных технологий, тех инфраструктурных решений, которые мы с рынком создаем (это прежде всего удаленная идентификация для потребителей финансовых услуг), доступность финансовых услуг будет возрастать. И более того, будет усиливаться конкуренция на рынке, поскольку снижается роль традиционных сдерживающих факторов – например, таких как сети офисов и филиалов. Маркетплейс финансовых услуг, прототип которого мы сегодня продемонстрируем, – это один из шагов повышения и финансовой доступности для клиентов и расширения возможности выхода на новые рынки для финансовых организаций.

Второе. Это, конечно, укрепление атмосферы доверия на финансовом рынке и защиты прав потребителей. Мы хотим, чтобы и граждане, и компании доверяли финансовым институтам. Мы будем искоренять недобросовестные продажи – мисселинг, который приводит к разочарованию потребителей финансовым рынком, для этого выстраиваем поведенческий надзор, для того чтобы граждане не были разочарованы тем, что они вышли на финансовый рынок, теми продуктами, которые они приобрели. Также мы будем расширять использование института деловой репутации, повышать персональную ответственность менеджмента. Ближайшая задача – это создание альтернативного механизма разрешения споров между потребителями и финансовыми организациями: вы знаете, что буквально недавно принят закон о создании института финансового уполномоченного.

Я должна сказать, что для укрепления доверия важны стандарты деятельности, общие правила ведения бизнеса, которых придерживаются все участники рынка. И здесь очень велика роль саморегулируемых организаций. Сейчас уже идет разработка стандартов деятельности в большинстве сегментов финансовых рынков, именно

саморегулируемые организации, которые участвуют, активно продвигают эти стандарты, и должны будут отвечать за их соблюдение своими членами.

И, подходя уже к завершению своего выступления, я хотела бы сказать о нескольких важных и непростых для нас вещах. Каждый год на Финансовом конгрессе мы стараемся дать вам, рынку, максимально полную информацию о том, как мы оцениваем ситуацию, как и почему определяем приоритеты, о новациях, которые мы планируем внедрять. Теоретически мои выступления с каждым годом должны становиться все короче, потому что регулирование должно быть стабильным, темпы появления новаций обязательно должны снизиться. Но есть несколько тем, которые мы повторяли неоднократно – и год, и два назад, но их реализация, к сожалению, затянулась. И я снова их и повторила, и повторю. И хотела бы вас заверить, что незавершенные дела мы намерены завершить.

О многих из них я уже сказала. Добавлю лишь о внедрении индивидуального пенсионного капитала. Критически важно и для будущих пенсионеров, и для экономики. Мы много работали над этой системой, мы уверены в ее жизнеспособности и будем дальше работать с Правительством, с законодателями для ее принятия в ближайшее время.

Я хочу пожелать вам, чтобы работа на конгрессе была интересной, чтобы вы вынесли практическую пользу из дискуссий и желательно, конечно, оптимистичной настрой, несмотря на те проблемы, о которых мы говорим, а именно о них и нужно говорить, чтобы двигаться вперед, чтобы снимать эти проблемы. Несмотря на эти проблемы, у нас, конечно, есть все основания для того, чтобы смотреть оптимистично и на развитие финансового сектора, и на роль финансового сектора в развитии экономики. Мы прошли большой путь по преодолению трудностей. И сейчас, конечно, время для того, чтобы вносить все больший и больший вклад финансовой индустрии именно в развитие экономики, в повышение темпов ее роста.

Я хочу вас поблагодарить за внимание и практически сразу, без перерыва, перейти к нашей панельной сессии.

7 июня 2018 года